

Эколого-правовое значение реализации принципа взаимосвязи водных объектов и гидротехнических сооружений, образующих водохозяйственную систему (на основе анализа судебной практики)

Аннотация. В статье исследованы вопросы правового статуса водохозяйственных систем и их элементов в аспекте реализации принципа водного законодательства, устанавливающего регулирование водных отношений исходя из взаимосвязи водных объектов и гидротехнических сооружений, образующих водохозяйственную систему. Автором дана общая характеристика данного принципа и раскрыто его значение при регулировании отношений по использованию и охране водных объектов. Основное внимание в статье уделено анализу судебного толкования принципа взаимосвязи водных объектов и гидротехнических сооружений, образующих водохозяйственную систему, при рассмотрении дел, связанных с имущественными правами на гидротехнические сооружения. Такие споры, как правило, обусловлены нахождением в собственности Российской Федерации водных объектов, с которыми фактически связаны гидротехнические сооружения, тогда гидротехнические сооружения оказываются принадлежащими юридическому или физическому лицу. Автором показано, при каких условиях суды трактуют «взаимосвязь» водного объекта и гидротехнического сооружения как имущественную по аналогии с принципом единства судьбы земельного участка, а при каких признают наличие самостоятельного правового статуса у каждого из объектов, входящих в состав водохозяйственной системы. По результатам исследования автором сделан вывод об отсутствии надлежащего правового регулирования в части порядка распределения имущественных прав на гидротехническое сооружение и водный объект как составные части водохозяйственной системы, а также в части установления правового статуса водохозяйственной системы как единого имущественного комплекса, с чем связано отсутствие единообразия в судебной практике при разрешении имущественных споров в отношении водохозяйственных систем и толковании рассматриваемого принципа.

Ключевые слова: водное право; водное законодательство; водные ресурсы; водопользование; водохозяйственная деятельность; правовые принципы; принципы водного законодательства; водный объект; водохранилище; русловой пруд; водный режим; гидротехническое сооружение; ГТС; права на гидротехнические сооружения; водохозяйственная система; экологическая безопасность.

Для цитирования: Амашукели С. А. Эколого-правовое значение реализации принципа взаимосвязи водных объектов и гидротехнических сооружений, образующих водохозяйственную систему (на основе анализа судебной практики) // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 170–177. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.170-177.

© Амашукели С. А., 2022

* Амашукели Светлана Александровна, аспирант кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
amashukely@icloud.com

Ecological and Legal Significance of the Implementation of the Principle of Water Bodies and Hydraulic Structures Relationship that Form the Water Management System: Based on Court Practice Analysis

Svetlana A. Amashukeli, Postgraduate Student, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
amashukely@icloud.com

Abstract. The paper examines the issues of the legal status of water management systems and their elements in the aspect of the implementation of the principle of water legislation, which establishes the regulation of water relations based on the water bodies and hydraulic structures relationship that form the water management system. The author gives a general description of this principle and reveals its significance in regulating relations for the use and protection of water bodies. The main attention in the paper is given to the analysis of the judicial interpretation of the principle of the relationship between water bodies and hydraulic structures that form the water management system, when considering cases related to property rights to hydraulic structures. Such disputes, as a rule, are due to the fact that water bodies are in the ownership of the Russian Federation, with which hydraulic structures are actually connected, then the hydraulic structures turn out to be owned by a legal entity or individual. The author shows under what conditions the courts interpret the “relationship” of a water body and a hydraulic structure as a property one, by analogy with the principle of the unity of a land plot history, and under which conditions they recognize the existence of an independent legal status for each of the objects that make up the water management system. Based on the results of the study, the author concluded that there is no proper legal regulation in terms of the procedure for distributing property rights to a hydraulic structure and a water body as components of the water management system, as well as in terms of establishing the legal status of the water management system as a single property complex. This is the reason for the lack of uniformity in the judicial practice in resolving property disputes in relation to water management systems and the interpretation of the principle under consideration.

Keywords: water law; water legislation; water resources; water use; water management activities; legal principles; principles of water legislation; water body; reservoir; riverbed pond; water regime; hydraulic structure; GTS; rights to hydraulic structures; water management system; environmental safety.

Cite as: Amashukeli SA. Ekologo-pravovoe znachenie realizatsii printsipa vzaimosvyazi vodnykh obekтов i gidrotekhnicheskikh sooruzheniy, obrazuyushchikh vodokhozyaystvennuyu sistemu (na osnove analiza sudebnoy praktiki [Ecological and Legal Significance of the Implementation of the Principle of Water Bodies and Hydraulic Structures Relationship that Form the Water Management System: Based on Court Practice Analysis]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):170-177. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.170-177. (In Russ., abstract in Eng.).

Основополагающими началами водного законодательства выступают три принципа: регулирование водных отношений исходя из бассейнового подхода, исходя из характеристик водных объектов и их водного режима, а также исходя из взаимосвязи водных объектов и гидротехнических сооружений, образующих водохозяйственные системы. В них находят свое

отражение особенности водных объектов как объектов правового регулирования, что направлено на повышение эффективности водопользования и охраны водных ресурсов.

Принцип взаимосвязи водного объекта и гидротехнического сооружения (ГТС) закреплён в п. 11 ст. 3 Водного кодекса Российской Федерации¹. Исходя из указанного принципа в ВК

¹ ЦЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

РФ было введено понятие «водохозяйственная система», содержание которого получило развитие в действующем водном праве.

Специфический правовой статус водохозяйственной системы заложен нормами водного права, выделяющими ее в качестве самостоятельного объекта государственного мониторинга и государственного водного реестра, а также в качестве одной из составных частей водохранилища как водного объекта. Ряд положений содержат общие правила относительно использования и охраны водохозяйственной системы как некоего единого целого, отличающегося и от водного объекта, и от ГТС, но в совокупности составляющего физическое и технологическое единство.

Принцип взаимосвязи водного объекта и ГТС призван обосновать необходимость разработки и строгого соблюдения специальных мер по охране вод и иных компонентов окружающей среды, затрагиваемых в ходе эксплуатации водохозяйственной системы как природно-антропогенного объекта, требующего специальных нормативов допустимого воздействия на окружающую среду и комплекса мер, направленных на предотвращение чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

ВК РФ на основе указанного принципа закрепил водохозяйственные системы в качестве правовых элементов водных и экологических правоотношений, тогда как до этого они, являясь важнейшими составными частями структуры водохозяйственного комплекса Российской Федерации, всего лишь упоминались в политических документах.

Будучи элементом водохозяйственного комплекса РФ, водохозяйственные системы до вступления в силу ВК РФ не являлись самостоятельным объектом правового регулирования водных отношений, поэтому вместе с принципом взаимосвязи водного объекта и ГТС не были предметом исследований в правовой доктрине.

Отдельные правовые аспекты роли, создания и функционирования водохозяйственных систем в части обеспечения устойчивого водопользования и охраны водных объектов затрагивались в эколого-правовых исследованиях, но развития не получили². Между тем правовой режим водохозяйственных систем, основанный на принципе взаимосвязи водного объекта и гидротехнического сооружения, имеет важнейшее значение для обеспечения рационального использования и охраны водных объектов, включая защиту населения и территорий от негативного воздействия вод.

В связи с отсутствием теоретических исследований данного вопроса только оценка судебной практики, использующей в мотивировочной части указанный принцип водного законодательства, может дать представление о его сложившемся толковании, способах применения и значимости для разрешения тех или иных споров, возникающих из объективно существующих правоотношений.

Анализ судебной практики показывает, что основная категория споров, при разрешении которых суды обращаются к указанному принципу, касается приобретения и осуществления прав на гидротехнические сооружения, находящиеся на водных объектах.

Водохозяйственную систему ВК РФ определяет в п. 11 ст. 1 как комплекс водного объекта, который законом отнесен к федеральной собственности, и гидротехнического сооружения, которое согласно ст. 3 Федерального закона от 21.07.1997 № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений»³ может находиться не только в государственной или муниципальной, но и в частной собственности.

Вследствие этого у судов возникает дилемма при решении вопроса о надлежащем собственнике гидротехнического сооружения, когда водный объект, на котором оно расположено, является федеральной собственностью. В настоящий

² См., например: *Романова О. А.* Правовая охрана поверхностных вод от загрязнения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 219 с. ; *Сиваков Д. О.* Тенденции правового регулирования водохозяйственной деятельности : монография. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ ; Юриспруденция, 2012. 352 с.

³ СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3589.

момент при разрешении указанной дилеммы в судебной практике сформировались разные подходы к толкованию принципа взаимосвязи водных объектов и ГТС, образующих водохозяйственную систему.

Так, при повторном рассмотрении дела № А08-3522/2014⁴, удовлетворяя иск колхоза «Советская Россия» о признании права собственности на гидротехническое сооружение пруда — земляную плотину и трубчатый водосброс, суд посчитал доказанным, что спорное ГТС возведено в 1954 г. за счет вложений истца и на земельном участке, предоставленном в установленном порядке колхозу, правопреемником которого является истец. Опираясь на ст. 100 Гражданского кодекса РСФСР⁵, ст. 21 Земельного кодекса РСФСР от 01.07.1970⁶, а также на ст. 3 Федерального закона «О безопасности гидротехнических сооружений», суд сделал вывод, что законодательство, действовавшее на дату создания гидротехнического сооружения, и действующее законодательство предусматривают возможность принадлежности ГТС на праве собственности юридическим лицам. При этом было установлено, что пруд является русловым, относится к гидрографической сети бассейна реки Дон: балка — урочище Могильное — Писаревский Яр — река Черная Калитва — река Дон, вследствие чего находится в федеральной собственности. Несмотря на это, суд указал, что в данном деле принадлежность водного объекта на праве собственности Российской Федерации не исключает возможности признания права собственности на гидротехническое сооружение за истцом в силу положений ст. 3 Федерального закона «О безопасности гидротехнических сооружений».

По другому делу (№ А50-10817/2008⁷) было отказано в удовлетворении иска об обязанности принять в федеральную собственность расположенное в городе гидротехническое сооружение — плотину пруда с водосбором и обводного канала с автодорожным мостом. Истец ссылался

на то, что спорное ГТС было незаконно включено в состав приватизируемого имущества государственного предприятия «Нытвенский металлургический завод». По его мнению, приватизация таких объектов запрещалась Государственной программой приватизации на 1992 г., сооружение не может находиться в частной собственности, а следовательно, истец незаконно несет бремя его содержания. Однако суд с учетом правовых норм о безопасности гидротехнических сооружений и ВК РФ признал недоказанным факт принадлежности спорного ГТС к объектам, в отношении которых введен запрет на приватизацию. Напротив, судом было установлено, что с момента государственной регистрации в 1993 г. истец признается собственником спорного гидротехнического сооружения, которое было включено в утвержденный в установленном порядке план приватизации. То, что истец является надлежащим собственником гидроузла водохранилища и его эксплуатирующей организацией, подтверждено выпиской из Российского регистра гидротехнических сооружений. Важное значение для разрешения указанного дела имело также то обстоятельство, что ГТС построено одновременно с металлургическим заводом, предназначалось и используется для его производственного водоснабжения, а истец является правопреемником данного предприятия.

В обоих приведенных случаях для судов имело решающее значение обстоятельство не просто возможности принадлежности спорных гидротехнических сооружений юридическим лицам на праве собственности, а законность оснований приобретения права на них и основное целевое назначение таких гидротехнических сооружений, предназначенных для обеспечения водоснабжения прежде всего данных хозяйствующих субъектов.

При этом суды, учитывая принцип регулирования водных отношений исходя из взаимосвязи водных объектов и гидротехнических

⁴ URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/584f94db-f723-4ab8-b9f1-8480b5f8be79>.

⁵ Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

⁶ Ведомости ВС РСФСР. 1970. № 28. Ст. 581.

⁷ URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/af9d8126-6d9c-4468-9be3-d6f2cb88ecad>.

сооружений, образующих водохозяйственную систему, обоснованно рассматривают ГТС как самостоятельный объект правового регулирования.

Вместе с тем в судебной практике также сложился иной подход при разрешении споров о праве на гидротехническое сооружение или о праве на земельный участок, в границах которого оно расположено.

Например, согласно делу № А75-9946/2016⁸, когда истец обратился в суд с требованием о признании права собственности на ГТС — дамбу водохранилища (назначение водохранилища — рыбопитомник) в порядке приобретательной давности, ссылаясь на то, что является надлежащим правопреемником в ходе процедуры приватизации государственного предприятия «Березовский рыбокомбинат», суд отказал в иске. В ходе рассмотрения дела подтвердилось наличие фактической взаимозависимости, а именно гидравлической связи между дамбой, водохранилищем и реками Северная Сосьва, Ванзетурье, невозможности функционирования водохранилища без дамбы, вхождения гидротехнического сооружения в единую водохозяйственную систему, созданную для рыбоводного хозяйства. Поскольку водохранилище находится в федеральной собственности, что никем и не оспаривалось в ходе судопроизводства, суд пришел к выводу, что ГТС также должно находиться в федеральной собственности, вследствие чего удовлетворил встречный иск соответствующего территориального управления Росимущества о признании права собственности Российской Федерации на спорное гидротехническое сооружение. Опираясь на принцип регулирования водных отношений и исходя из взаимосвязи водных объектов и ГТС, образующих водохозяйственную систему, в качестве правового обоснования суд использовал положения ст. 135 ГК РФ⁹ о главной вещи и принадлежности, указав, что

дамба является принадлежностью по отношению к главной вещи — водохранилищу.

Именно такая правовая логика характерна для судебной практики, сформировавшей позицию, что, когда гидротехническое сооружение не может использоваться по его основному назначению без водного объекта, находящегося в федеральной собственности, на котором оно создано, ГТС должно следовать судьбе водного объекта.

Например, по делу № А32-2863/2009¹⁰ суд пришел к заключению, что спорный объект — пирс (1985 года постройки на правом берегу р. Шапсуг в центре бухты Тенгинской), по своим техническим характеристикам представляет собой искусственно созданную часть водного объекта, которая относится к принадлежности главной вещи, предназначена для ее обслуживания и сама по себе самостоятельным объектом гражданских прав не является. Отсюда был сделан вывод, что спорный пирс следует судьбе главной вещи, то есть также является объектом федеральной собственности, в результате чего суд отказал администрации муниципального образования в удовлетворении иска о признании права муниципальной собственности на указанное ГТС.

Из анализа вышеприведенной и аналогичной судебной практики явственно прослеживается, что существенное значение для судов имеет факт наличия или отсутствия у спорных ГТС признаков единства с водными объектами, так называемой гидравлической связи. На основании этого суды делают вывод о том, является ли гидротехническое сооружение самостоятельным объектом гражданских прав или нет.

Так, при рассмотрении дела № А71-7082/2018¹¹ по иску ООО «Рыбоводное хозяйство Карашурское» о признании права собственности на земляную плотину суд апелляционной инстанции, отправляя дело на новое рассмотрение, указал, что суды не исследовали и не

⁸ URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/cc65a7fd-a86d-4c76-892d-2e81ef7fa5a4>.

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁰ URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/322bbcbb-3652-4669-8a67-2b577ea22cc8>.

¹¹ URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1f9176ae-ecfd-458f-a58c-67591d150f46>.

дали надлежащей правовой оценки доводам администрации о наличии фактической взаимозависимости (гидравлической связи) между земляной плотиной, Карашурским прудом и рекой Селычка, о невозможности функционирования пруда без нее, о вхождении плотины и гидротехнического сооружения в единую водохозяйственную систему, созданную для образования пруда, которая существовала как на момент возведения спорных объектов, так и на момент рассмотрения спора, и не установили, имеют ли спорные плотина и гидротехнические сооружения самостоятельное функциональное назначение.

Отсюда следует, что при рассмотрении некоторых дел арбитражные суды толкуют принцип взаимосвязи водных объектов и ГТС, образующих водохозяйственную систему, как единство судьбы водного объекта и спорного гидротехнического сооружения по аналогии с принципом земельного законодательства о единстве судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов.

При этом суды общей юрисдикции идут по сходному пути, утверждая в некоторых решениях, что гидротехническое сооружение как объект недвижимости и субъект водопользования имеет тесную связь с земельным участком и водным объектом, на которых оно расположено (к примеру, апелляционное определение Тамбовского областного суда по делу № 33-693/2015¹²).

Как следствие, суд при разрешении указанного дела о признании незаконным бездействия администрации муниципального образования в части обращения с заявлением о постановке на учет бесхозяйного ГТС — плотины 1971 года постройки, признал ключевыми вопросы не только о собственнике водного объекта, но и о собственнике земельного участка, на котором расположено ГТС.

Необходимо отметить, что большая часть судебных дел по спорам о правах на гидротехнические сооружения касается споров относи-

тельно ГТС, в результате возведения которых были образованы русловые пруды.

Верховным Судом РФ сформирована и неоднократно подтверждалась позиция, согласно которой русловые пруды — это пруды, образованные в результате создания гидротехнических сооружений на водотоке, которые являются совокупным элементом гидрографической сети. В отсутствие гидравлической обособленности данные водные объекты в силу ст. 8 ВК РФ могут находиться только в федеральной собственности (например, определение ВС РФ от 23.10.2015 № 308-ЭС15-13761¹³). При этом вывод, касающийся правовой связи между правом на водный объект и правом на гидротехническое сооружение, расположенное на таком объекте, в практике Верховного Суда РФ не встречается.

Вместе с тем Верховный Суд РФ несколько раз формулировал существенные по делу о признании права на ГТС обстоятельства, которые суду следует установить для правильного разрешения дела. Например, к таким обстоятельствам относится: принадлежность водного объекта, является ли истец надлежащим водопользователем, имеются ли основания считать, что спорное гидротехническое сооружение фактически передано в собственность истца в период реорганизации, и исходя из этого определить правомерность такой передачи, а также наличие оснований приобретения права собственности истца на спорный объект в соответствии с нормами гражданского законодательства (определение ВС РФ от 22.10.2015 № 310-ЭС15-13578¹⁴). Очевидно, что такая позиция Верховного Суда РФ нацелена привлечь внимание нижестоящих судов к необходимости в каждом конкретном случае исследовать не просто наличие или отсутствие фактической взаимосвязи ГТС, водного объекта и земельного участка, а законность оснований возникновения прав на них, учитывая, что все три указанные составляющие являются отдельными объектами правового регулирования.

¹² СПС «КонсультантПлюс».

¹³ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ СПС «КонсультантПлюс».

Важно подчеркнуть, что именно данная точка зрения соответствует правовому взгляду академика О. С. Колбасова на юридическую взаимосвязь водных объектов и гидротехнических сооружений. По мнению О. С. Колбасова, «... гидротехнические сооружения и устройства — плотины с их оборудованием, шлюзы и т.п., хотя и капитально связаны с водными объектами и эксплуатируются одновременно с эксплуатацией водных ресурсов, не охватываются понятием водного объекта, не являются объектами права водопользования, а представляют собой самостоятельные объекты права государственной, общественной или личной собственности»¹⁵.

Представляется, что принцип регулирования водных отношений исходя из взаимосвязи водных объектов и гидротехнических сооружений, образующих водохозяйственные системы, не может и не должен предрешать вопрос о распределении имущественных прав как в отношении отдельных частей водохозяйственной системы, так и в отношении водохозяйственной системы в целом.

Взаимосвязь, на которой указанный принцип делает основной акцент, имеет прежде всего гидрологическую и технологическую природу. Она обусловлена тем обстоятельством, что за счет ГТС, входящего в состав водохозяйственной системы, либо образуется водный объект по типу водохранилища или руслового пруда, либо осуществляется забор, сброс водных ресурсов или иной вид водопользования, например водотведение или использование водного объекта для организации внутренних водных путей.

Так или иначе, водный объект и гидротехническое сооружение представляют собой тот самый совокупный элемент гидрографической сети, то есть их взаимосвязь является фактической, из чего следует их природное, экологическое единство.

Таким образом, в отличие от принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, предназначенного для разрешения имущественных споров о правах на земельные участки и объекты капитального

строительства, принцип взаимосвязи водных объектов и ГТС, образующих водохозяйственную систему, нацелен на разрешение конфликтов, возникающих в ходе использования и охраны водных объектов, и комплексных экологических проблем, возникающих при эксплуатации водохозяйственных систем, водохранилищ.

Согласно ч. 2 ст. 4 ВК РФ имущественные отношения, связанные с оборотом водных объектов, подлежат регулированию в соответствии с нормами гражданского законодательства в той мере, в какой они не урегулированы Водным кодексом РФ, то есть установлен приоритет водного законодательства в регулировании вопросов, касающихся использования водных объектов. Данное положение обусловлено спецификой водных объектов и, соответственно, водных отношений, которая должна учитываться при их регулировании в целях обеспечения прежде всего публичных интересов.

В связи с изложенным представляется наиболее взвешенным и юридически обоснованным правовая позиция Верховного Суда РФ, рекомендующего судам каждый раз оценивать законность оснований возникновения имущественных прав участников спора на каждый элемент конкретной водохозяйственной системы, на правовой режим земельного участка, в границах которого расположено ГТС. Это особенно важно и актуально, учитывая разнообразие гидротехнических сооружений и образуемых ими водохозяйственных систем.

Вместе с тем анализ судебной практики выявляет очевидную проблему отсутствия четкой позиции законодателя в отношении правового статуса водохозяйственной системы как единого объекта имущественных отношений. Ни водное, ни гражданское законодательство не содержат положений, характеризующих такой сложный объект, как водохозяйственная система в целом, а также общей нормы, определяющей, в каком случае право собственности на ГТС может и должно следовать судьбе водного объекта в рамках водохозяйственной системы. Как следствие, суды применяют гражданско-правовые конструкции, наи-

¹⁵ Колбасов О. С. Теоретические основы права пользования водами в СССР // Избранное. М. : РГУП, 2017. С. 343.

более, по их мнению, подходящие в конкретном отдельном случае, например, помимо конструкции главной вещи и принадлежности, в судебной практике по отношению к ГТС можно встретить применение норм о едином недвижимом комплексе, сложной вещи и неделимых вещах.

Принцип же взаимосвязи водных объектов и ГТС используется судами для дополнительного обоснования своей позиции по конкретному делу в попытке минимизировать обозначенную правовую неопределенность. Однако данный принцип является принципом водного и экологического права и не предназначен для регулирования имущественных отношений по поводу элементов водохозяйственных систем. Суды же склонны его толковать чересчур широко, распространяя слово «взаимосвязь» на имущественные права в отношении трех объектов, имеющих различный правовой статус, — ГТС, водного объекта и земельного участка, в пределах которого они расположены.

Представляется, что преодолеть вышеуказанные существенные разночтения в судебной практике по вопросам имущественных прав на гидротехнические сооружения, входящие в состав водохозяйственных систем, возможно только путем ликвидации пробела в водном законодательстве, касающегося правового статуса водохозяйственной системы в целом как сложного объекта, принципов соотношения имущественных прав на ее составные элементы — водный объект и ГТС, с учетом общих правовых положений гражданского законодательства об объектах гражданских прав.

Отлаженный правовой механизм разграничения права собственности и иных прав на водные объекты и ГТС может выступать в качестве одной из важнейших гарантий обеспечения экологической безопасности при эксплуатации ГТС, поскольку ответственность за такую безопасность возлагается на собственников либо на эксплуатирующие ГТС организации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Колбасов О. С. Теоретические основы права пользования водами в СССР // Избранное. — М. : РГУП, 2017. — С. 301–445.
2. Романова О. А. Правовая охрана поверхностных вод от загрязнения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 219 с.
3. Сиваков Д. О. Тенденции правового регулирования водохозяйственной деятельности : монография. — М. : ИЗиСП при Правительстве РФ ; Юриспруденция, 2012. — 352 с.

Материал поступил в редакцию 28 марта 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kolbasov O. S. Teoreticheskie osnovy prava polzovaniya vodami v SSSR // Izbrannoe. — M.: RGUP, 2017. — S. 301–445.
2. Romanova O. A. Pravovaya okhrana poverkhnostnykh vod ot zagryazneniya v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2008. — 219 s.
3. Sivakov D. O. Tendentsii pravovogo regulirovaniya vodokhozyaystvennoy deyatel'nosti: monografiya. — M.: IZiSP pri Pravitel'stve RF; Yurisprudentsiya, 2012. — 352 s.